

Архив Шерлока Холмса. Сыскная полиция

«Архив Шерлока Холмса». А. Конан Дойл

Шерлок Холмс принимается за расследования! Он должен отыскать исчезнувший из королевской короны бриллиант, выяснить правду о вампире и убедить девушку не выходить замуж!

«Сыскная полиция». Ч. Диккенс

Лондонской сыскной полиции некогда отдыхать. Сыщикам предстоит поймать ловкого конокрада, жулика и других мошенников.



ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА



Артур Конан Дойл
Архив Шерлока Холмса

Чарлз Диккенс
Сыскная полиция

Артур Конан Дойл
Архив Шерлока Холмса
Чарлз Диккенс
Сыскная полиция

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2010, 2011

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2010

ISBN 978-966-14-1858-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

А87 **Архив** Шерлока Холмса. [Текст] / Артур Конан Дойл. Сыскная полиция / Чарлз Диккенс ; [к сб. в целом: пер. с англ. В. Михалюка ; предисл. В. Г. Гитина ; худож. В. Мысник]. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2010. — 320 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека детектива»).

ISBN 978-966-14-0748-9 (Украина, т. 2).

ISBN 978-966-14-0746-5 (серия).

ISBN 978-5-9910-1129-7 (Россия, т. 2).

ISBN 978-5-9910-1143-3 (серия).

Во второй том серии «Золотая библиотека детектива» вошли рассказы А. Конан Дойла (сборник «Архив Шерлока Холмса») и Ч. Диккенса («Сыскная полиция», «Три детективные истории»).

До другого тому серії «Золота бібліотека детективу» увійшли оповідання А. Конан Дойла (збірка «Архів Шерлока Голмса») і Ч. Діккенса («Розшукна поліція», «Три детективні оповідки»).

ББК 84.4ВЕЛ

Предисловие

На страницах второго тома избранных шедевров литературы детективного жанра представлены произведения двух английских писателей, в достаточной мере несхожих в методах и характерных особенностях своего творчества, но объединенных непоколебимой позицией отрицания Зла и верой в торжество Справедливости.

Сэр Артур Конан Дойл (1859—1930), получив медицинское образование, не стал успешным врачом, как, впрочем, не стал и успешным романистом, опубликовав в 1887 году «Этюд в багровых тонах», попросту не замеченный читающей публикой.

Известность пришла к нему вместе с короткой новеллой «Скандал в Богемии», напечатанной в одном из летних номеров «Стрэнд Мэгезин» за 1891 год. Главный герой этого произведения, как и «Этюда...», сыщик-любитель Шерлок Холмс на сей раз не просто обратил на себя внимание, а стал одним из самых популярных литературных персонажей. Конан Дойл, вначале обескураженный столь неожиданным успехом совершенно непримечательной, на его взгляд, журнальной публикации, затем решил развить этот успех и в последующие два года создал еще 23 рассказа о Шерлоке Холмсе.

Тем не менее мечтавший о славе автора исторических романов Конан Дойл смотрел на свое гениальное детище как на нечто несерьезное и второстепенное, а потому решил распрощаться с ним, описав гибель Шерлока Холмса во время смертельного поединка с профессором Мориарти.

Буквально на следующий день после появления в печати новеллы «Последнее дело Холмса» Лондон погрузился в траур. У здания редакции «Стрэнд Мэгезин» состоялся многолюдный митинг, в ходе которого на входную дверь был прикреплен траурный венок.

Читатели весьма решительно требовали воскрешения своего любимца, и вскоре их пожелания были услышаны: увидели свет «старые записки» доктора Ватсона под названием «Собака

Баскервилей», а затем в новелле «Покинутый дом» славный доктор обнаружил своего живого и невредимого друга, скрывающегося под личиной книготорговца.

Появилась новая серия приключений знаменитого сыщика.

Через некоторое время писатель предпринял еще одну попытку избавиться от своего героя и отослал его в провинцию, наделив страстью к разведению пчел. Но читатели и на сей раз вынудили Конан Дойла вернуть своего кумира, вследствие чего в 1915 году стала бестселлером книга «Долина ужаса», в 1917-м — «Прощание с Шерлоком Холмсом», а в 1927-м — «Дневник Шерлока Холмса».

Таким было начало триумфального шествия Великого Сыщика по нашей планете.

Прообразом его стал университетский наставник Конан Дойла — доктор Джозеф Белл, обладавший способностью определять не только болезнь пациента, но и особенности его характера, увлечения или род деятельности. «Иногда он ошибался, — отмечал много лет спустя знаменитый ученик доктора, — но, как правило, прозорливость была поразительной. Его догадки казались чудом для сборища Ватсонов, но как только он давал объяснения, все оказывалось очень простым и понятным. Неудивительно, что впоследствии я, пытаясь создать образ сыщика-ученого, использовал и широко разработал именно его метод».

Писатель вылепил яркую, незабываемую фигуру, воплотившую в себе все своеобразие черт англичанина Викторианской эпохи, вплоть до трубки, клетчатого костюма, а также несколько флегматичной рассудительности, и при этом обладателя необычайно острого ума, человека с широкой благородной душой и развитым чувством чести.

В образе Холмса достаточно много черт и его автора. Мало кто знает, например, что Артур Конан Дойл, удостоенный звания пэра Англии за литературную деятельность, часто выступал в защиту безвинно осужденных и достаточно успешно раскрыл целый ряд зловещих криминальных тайн, так что рассказы о приключениях Шерлока Холмса в известной степени можно считать автобиографическими.

Их действительно очень многое роднит, сэра Артура и его героя, вплоть до сугубо внешних особенностей поведения. Оба они курили трубки, собирали газетные вырезки, проводили химические опыты и азартно решали кровавые загадки, не говоря уже о том, что любили

работать в полной изоляции от окружающего мира, положив перед собой на стол револьвер и лупу...

Но самая, пожалуй, главная их особенность — мощная позитивная энергия, волны которой вот уже второе столетие наполняют души читателей и сладким трепетом соприкосновения с тайной, и жизнетворной верой в Добро.

Чарлз Диккенс (1812—1870), классик мировой литературы, прославленный автор «Приключений Оливера Твиста», «Дэвида Копперфилда», «Посмертных записок Пиквикского клуба» и многих других шедевров, вполне справедливо воздавал должное детективному жанру на всех этапах своего творчества.

Достаточно характерными в этом аспекте следует признать его «Очерки Боза» (1836) и роман «Холодный дом» (1852—1853), где впервые в английской литературе в качестве одного из главных персонажей был представлен полицейский, чьим прообразом послужил друг автора — инспектор Филд из городской полиции Лондона, которой Диккенс посвятил несколько увлекательных рассказов.

Однако наиболее значительным произведением, написанным в жанре детектива, стал роман «Тайна Эдвина Друда» (1870), к сожалению, незавершенный из-за смерти писателя.

В 1850 году Ч. Диккенс основал журнал «Домашнее чтение» («Household Words»), на страницах которого были напечатаны «Три рассказа о сыщиках» и «Сыскная полиция», где нашла свое отражение суровая романтика полицейской службы, когда «...всегда настороже, всегда в предельном напряжении умственных способностей, работники сыска изо дня в день, из года в год должны находить все новые способы борьбы против новых хитростей и уловок, измышляемых соединенной фантазией всех беззастенчивых нарушителей закона в Англии...»

То же можно сказать и о героях сэра Артура Конан Дойла, и обо всех, кто избрал путь борьбы со Злом, — о Героях. Именно так, с большой буквы.

*В. Гитин, исполнительный вице-президент Ассоциации
детективного и исторического романа*

Артур Конан Дойл

Архив Шерлока Холмса

Дело I. Приключения камня Мазарини

Доктору Ватсону было приятно снова оказаться в небольшой неубранной комнате на втором этаже дома на Бейкер-стрит, в той самой комнате, с которой память его связывала столько замечательных приключений. Он окинул взором висящие на стене научные таблицы, прожженный во многих местах кислотой столик для химикатов, стоящий в углу футляр скрипки, угольное ведро, в котором хранились трубки и табак. Наконец взор его натолкнулся на добродушное лицо Билли, молодого, но очень смышленного и воспитанного слуги, который помогал необщительному и замкнутому великому сыщику справляться с одиночеством и оторванностью от мира.

— Здесь, похоже, все осталось по-старому. Да и вы, Билли, сами ничуть не изменились. Надеюсь, то же можно сказать и о нем?

Билли с некоторым беспокойством посмотрел на закрытую дверь спальни.

— По-моему, он сейчас спит, — произнес он.

Было всего семь часов вечера, стояла изумительная летняя погода, но доктор Ватсон слишком хорошо знал своего старого друга, с его непостоянным образом жизни, чтобы удивляться.

— Полагаю, это означает, что он сейчас занят очередным делом?

— Да, сэръ, он весь в работе. И знаете, я боюсь за его здоровье. Он бледнеет и худеет с каждым часом, да к тому же и не ест ничего. Миссис Хадсон спросила у него: «Когда подать обед, мистер Холмс?», а он отвечает: «В семь тридцать, послезавтра». Вы же знаете, каким он становится, когда работает.

— Знаю, Билли, знаю.

— Он кого-то выслеживает. Вчера вышел из дому под видом безработного бездельника, сегодня вырядился старушкой да так, что я его не узнал, хотя уж за все это время я хорошо выучил его приемы. — Билли с улыбкой указал на старый потрепанный зонтик, прислоненный к дивану. — Это из костюма старушки, — пояснил он.

— Но что он расследует, Билли?

Билли понизил голос, словно речь шла о великой государственной тайне.

— Вам я, конечно, расскажу, сэр, но больше никто этого знать не должен. Это дело о бриллианте из короны.

— Как? Неужели то самое похищение в сто тысяч фунтов?

— Да, сэр. Они очень хотят найти его. Вы не поверите, сам премьер-министр с министром внутренних дел сидели вот на этом самом диване. Мистер Холмс был с ними очень любезен. Он быстро их успокоил и пообещал сделать все, что в его силах. А еще лорд Кантлмир...

— О!

— Да, сэр, вы понимаете, о чем я. Это очень жесткий человек, если можно так выразиться. Я могу иметь дело с премьером и ничего не имею против министра внутренних дел, это вообще очень воспитанный и любезный человек, но его светлость я терпеть не могу. И мистер Холмс тоже, сэр. Понимаете, он не верит, что мистер Холмс с этим справится, и был даже против того, чтобы поручить ему это дело. Кажется, он бы даже обрадовался, если бы у него ничего не вышло.

— А мистер Холмс знает об этом?

— Мистер Холмс всегда знает все, что ему нужно знать.

— Что ж, будем надеяться, что он справится, и лорд Кантлмир поймет, как был не прав. А для чего эта занавеска на окне, Билли?

— Это мистер Холмс повесил три дня назад. За ней у нас кое-что интересное.

Билли подошел к алькову эркера и отдернул перекрывающую его портьеру.

Доктор Ватсон не смог сдержать возглас изумления. Там в кресле сидела точная копия его старого друга, его домашний халат и все остальное было в точности как у Холмса, голова скульптуры, повернутая на три четверти к окну, была немного наклонена вниз, как

будто он читал какую-то невидимую книгу. Билли снял и подержал в руках голову.

— Мы выставляем ее под разными углами, чтобы выглядело естественнее. Я бы не осмелился к ней прикоснуться, если бы штора не была опущена. Когда она поднята, фигуру видно в окно.

— А мы однажды использовали этот прием.

— Это было еще до меня, — сказал Билли. Он заглянул за занавеску на окне. — За нами следят. Вон в том окне сидит человек. Можете сами посмотреть.

Ватсон сделал шаг к окну, когда дверь спальни открылась и из нее появилась худая высокая фигура Холмса. Лицо у него было бледное, щеки впали, но походка и движения остались энергичными, как обычно. Он подскочил к окну и быстро задернул занавеску.

— Хватит, Билли, — сказал он. — Вы только что поставили под угрозу свою жизнь, мальчик мой, а я пока что без вашей помощи не обойдусь. Рад приветствовать вас, Ватсон, в вашей старой штаб-квартире. Вы пришли в решающую минуту.

— Я так и понял.

— Можете идти, Билли. От этого мальчика масса хлопот, Ватсон. Имею ли я право подвергать его опасности?

— Какой опасности?

— Опасности быть убитым. Я ожидаю, что сегодня вечером что-то произойдет.

— Что же?

— Меня должны убить, Ватсон.

— Холмс! Не надо так шутить!

— Даже с моим ограниченным чувством юмора можно было бы придумать шутку получше. Но пока что мы можем позволить себе приятно провести время, не так ли? Спиртное вам не противопоказано? Сифон и сигары на старом месте. Садитесь в свое любимое кресло. Я надеюсь, мои трубка и скверный табак не вызовут у вас отвращения? В последние дни они заменяют мне пищу.

— Почему бы вам не поесть?

— Потому что от голода чувства обостряются. Дорогой Ватсон, вы как врач должны согласиться, что та кровь, которая идет на процесс переваривания пищи, не доходит до мозга. Я — мозг, Ватсон, а все

остальное — всего лишь его придатки. Поэтому в первую очередь я должен считаться со своим мозгом.

— Ну а эта опасность, Холмс?

— Ах да! Если это произойдет, вам, возможно, стоит запомнить имя и адрес моего убийцы. Можете сообщить их в Скотленд-Ярд, заодно передадите им от меня привет и благословите их на прощание от моего имени. Его зовут Сильвиус. Граф Негретто Сильвиус. Записывайте, записывайте! Мурсайд-гарденс, 136, N. W[1]. Записали?

От волнения губы на открытом лице Ватсона слегка подергивались. Он прекрасно знал, на какой риск способен Холмс, и что слова его сто́ит воспринимать скорее как преуменьшение, чем преувеличение. Ватсон всегда был человеком дела и сейчас не стал себя сдерживать.

— Можете рассчитывать на меня, Холмс. Ближайшие день-два мне нечем заняться.

— Ваши моральные принципы ни капли не улучшились, Ватсон. К остальным своим недостаткам вы добавили еще и вранье. Да с первого взгляда на вас видно, что вы занятой врач, у которого нет и часа свободного времени.

— Но мои дела далеко не так важны. А вы не можете арестовать этого человека?

— Да, Ватсон, могу, и именно это его больше всего волнует.

— Тогда почему же вы этого не делаете?

— Потому что я не знаю, где находится бриллиант.

— Ах да! Билли рассказал мне. Исчезнувший бриллиант короны!

— Да, большой желтый камень Мазарини. Я расставил сеть и уже поймал рыбу, но камень все еще не у меня. Конечно, если мы посадим их за решетку, мир от этого станет чище, но не это моя цель. Я должен найти камень.

— А этот граф Сильвиус, он что, одна из рыб в ваших сетях?

— Акула. Он кусается. Еще туда угодил Сэм Мертон, боксер. Этот Сэм в общем-то неплохой человек, но граф использовал его. Сэм не акула. Это, скорее, большой глупый пескарь, но он тоже бьется в моей сети.

— А где сейчас этот граф Сильвиус?

— Я сегодня все утро терся рядом с ним. Вам приходилось видеть меня в образе старухи, Ватсон, но в этот раз я превзошел самого себя. Один раз он даже поднял мой зонтик, когда я его случайно выпустил

из рук. «С вашего позволения, мадам», — сказал он. Он ведь наполовину итальянец и, когда в настроении, может быть очень любезен, но когда не в настроении — это сущий дьявол. Жизнь полна причудливых неожиданностей, Ватсон.

— Это могло закончиться очень плохо.

— Могло. Я шел за ним до старой мастерской Штраубензе на Майнорис. Штраубензе изготовил духовое ружье... Превосходный образец, насколько я понимаю, и я почти уверен, что сейчас оно в окне напротив. Вы видели куклу? Ну конечно, Билли показал ее вам. Так вот, в любую секунду она может получить пулю в свою прекрасную голову. А, Билли, в чем дело?

На этот раз мальчик появился в комнате с визитной карточкой на подносе. Когда Холмс взглянул на нее, его брови поползли вверх и на лице появилась удивленная улыбка.

— Надо же, легок на помине! Такого я не ожидал. Держите сеть покрепче, Ватсон! Это человек стальных нервов. Возможно, вы слышали, что он считается великолепным охотником на крупную дичь. Если он добавит к своим охотничьим трофеям и мою голову, это поистине будет его величайшим достижением. Как видите, он почувствовал, что я к нему уже очень близко подобрался.

— Нужно вызвать полицию.

— Возможно, это и стоило бы сделать, но не сейчас. Вы не могли бы осторожно выглянуть в окно, Ватсон? Посмотрите, на улице никого нет?

Ватсон аккуратно выглянул из-за занавески.

— Да, у двери стоит какой-то человек, довольно неприятной наружности.

— Это Сэм Мертон. Преданный, но весьма недалекий Сэм. Где этот джентльмен, Билли?

— В приемной, сэр.

— Когда я позвоню, ведите его сюда.

— Да, сэр.

Ватсон дождался, когда за слугой закрылась дверь, и взволнованно повернулся к другу.

— Послушайте, Холмс, это же неразумно. Это отчаянный человек, который не остановится ни перед чем. А что, если он пришел убить вас?

— Не удивлюсь, если это так.

— Как хотите, а я остаюсь с вами.

— Ваше присутствие очень помешает, Ватсон.

— Ему?

— Нет, дорогой друг, мне.

— Но я не могу оставить вас одного.

— Можете, Ватсон. И оставите, потому что вы всегда играли по правилам. Я уверен, что вы и на этот раз не подведете меня. Этот человек явился сюда ради своих целей, но воспользуюсь его визитом я.

Холмс достал записную книжку и черкнул несколько строк.

— Берите кеб и езжайте в Скотленд-Ярд. Отдадите это Югелу из отдела уголовных расследований. Возвращайтесь с полицией, и этот человек будет арестован.

— Сделаю это с радостью.

— Надеюсь, пока вас не будет, мне как раз хватит времени разузнать, где находится камень, — он взялся за звонок. — Думаю, будет лучше выйти через спальню. Этот второй выход чрезвычайно полезен. Я бы предпочел встретиться с этой акулой так, чтобы она меня не увидела, и для этого у меня, как вам известно, есть свои методы.

Когда же Билли через минуту ввел графа Сильвиуса в комнату, она оказалась пуста. Знаменитый охотник, спортсмен и светский лев был рослым и крепким смуглолицым мужчиной с пышными темными усами, оттеняющими жестокий тонкогубый рот, над которым нависал длинный крючковатый нос, похожий на орлиный клюв. Одет он был элегантно, но яркий галстук, сверкающая булавка и блестящие перстни на пальцах — все это вместе производило вызывающий эффект. Когда дверь закрылась у него за спиной, он свирепо и вместе с тем настороженно обвел комнату таким взглядом, будто ожидал за каждым поворотом обнаружить ловушку. Потом, увидев у окна неподвижную голову и воротник халата, выступающие над спинкой кресла, он от неожиданности сильно вздрогнул. Поначалу лицо его не выражало ничего, кроме удивления, но потом в его темных глазах загорелся кровавадный дьявольский огонек. Он еще раз осмотрелся, чтобы убедиться, что вокруг нет свидетелей, и на цыпочках, приподняв трость, стал приближаться к застывшей фигуре. Он уже приготовился сделать последний решающий прыжок и нанести удар, когда из

открытой двери спальни до него донесся спокойный насмешливый голос.

— Не стоит, граф! Будет жаль, если вы ее разобьете.

С перекошенным от изумления лицом убийца тут же метнулся назад. На миг он снова занес тяжелую трость, словно желая перенести свою ярость с куклы на оригинал, но в серых внимательных глазах и насмешливой улыбке Холмса было что-то такое, что заставило его опустить руку.

— Милая вещица, — сказал Холмс, направляясь к скульптуре. — Ее изготовил Тавернье, французский лепщик. Он такой же мастер по изготовлению восковых фигур, как ваш друг Штраубензе — по изготовлению духовых ружей.

— Духовых ружей? О чем вы, сэр?

— Кладите шляпу и трость на столик. Благодарю вас. Прошу садиться. Вас не затруднит выложить и револьвер? Нет? Прекрасно, можете продолжать сидеть на нем, если хотите. Как хорошо, что вы решили зайти ко мне, я ведь и сам хотел поговорить с вами.

Граф нахмурил тяжелые грозные брови.

— Я тоже хотел переброситься с вами парой слов, Холмс. Для этого и пришел. Не стану спорить, я действительно только что собирался напасть на вас.

Холмс присел на краешек стола.

— Я догадался, что подобная мысль пришла вам в голову, — сказал он. — Но чем я заслужил такое внимание с вашей стороны?

— Тем, что вы сделали все, чтобы вывести меня из себя. Тем, что вы пустили за мной своих помощников.

— Помощников? Уверяю вас, вы ошибаетесь.

— Будет вам! Я видел, что за мной следят. Но мы еще посмотрим, чья возьмет, Холмс.

— Это, конечно же, мелочь, но я бы попросил вас, когда вы обращаетесь ко мне, добавлять слово «мистер». Думаю, вы понимаете, что по роду своей деятельности я слишком хорошо знаком с доброй половиной жуликов и не хочу допускать фамильярности с кем бы то ни было, дабы не вводить в соблазн других.

— Хорошо, пусть будет мистер Холмс.

— Превосходно! И все же вы ошибаетесь, полагая, что я пускал по вашему следу каких-то помощников.

Граф Сильвиус презрительно рассмеялся.

— Не вы один такой наблюдательный. Вчера это был какой-то старый бездельник. Сегодня — престарелая леди. Они весь день с меня глаз не спускали.

— Право, сэр, вы мне льстите. Старый барон Доусон за день до того, как был повешен, сказал, что в моем случае правосудие выиграло столько же, сколько потеряла сцена. А теперь вот и вы хвалите мои небольшие роли.

— Так это были вы? Вы сами?

Холмс пожал плечами.

— Посмотрите вон в тот угол. Видите зонтик, который вы столь любезно подали мне до того, как что-то заподозрили?

— Если бы я знал, вы бы, может, уже никогда...

— Не вернулся в этот скромный дом? Я прекрасно это знал. У всех у нас есть упущенные возможности, о которых можно сожалеть. Но случилось так, что вы не знали, и поэтому мы встречаемся здесь!

Нахмуренные брови графа еще плотнее сдвинулись над зловещими глазами.

— То, что вы говорите, только усугубляет дело. Значит, это не ваши агенты, а вы сами совали нос в мои дела. Выходит, вы признаете, что преследовали меня. Зачем?

— Граф, вы же сами охотились на львов в Алжире.

— И что?

— Скажите, зачем?

— Зачем? Азарт... возбуждение... опасность!

— Наверняка вы думали и о том, что освобождаете страну от опасных хищников.

— Верно.

— Примерно то же самое я могу сказать и о себе!

Граф вскочил, и его рука непроизвольно потянулась к заднему карману брюк.

— Сядьте, сэр, сядьте! У меня есть и другая, более конкретная причина. Мне нужен желтый бриллиант.

Граф Сильвиус сел и с ухмылкой откинулся на спинку кресла.

— Вот как! — произнес он.

— Вы знали, что я слежу за вами именно из-за этого. И на самом деле пришли ко мне, чтобы разузнать, что мне известно об этом деле, и

насколько необходимо мое устранение. Я бы сказал, что с вашей точки зрения оно совершенно необходимо, поскольку мне известно абсолютно все, кроме одной подробности, о которой вы мне сейчас расскажете.

— Неужели? И что же это за подробность, позвольте полюбопытствовать?

— Место, где сейчас находится бриллиант короны.

Граф бросил на собеседника острый взгляд.

— Где находится бриллиант? Откуда, черт возьми, я могу знать, где он находится?

— Вы знаете и скажете.

— В самом деле?

— Вам не удастся обмануть меня, граф Сильвиус, — устремленные на собеседника глаза Холмса сузились и холодно блеснули, как два стальных кинжала. — Вы для меня — открытая книга. Я легко могу прочитать любую вашу мысль.

— В таком случае вам не составит труда узнать, где находится бриллиант!

Холмс весело хлопнул в ладоши и указал на собеседника пальцем.

— Значит, вам это все-таки известно. Вы только что это признали, — насмешливо воскликнул он.

— Я ничего не признавал.

— Послушайте, граф, если вы будете благоразумны, мы с вами договоримся. В противном случае вы можете пострадать.

Граф Сильвиус устремил взгляд на потолок.

— И вы еще говорите об обмане! — устало произнес он.

Холмс задумчиво посмотрел на него, как шахматист, рассчитывающий ход, который приведет его к выигрышу. Потом выдвинул ящик письменного стола и достал небольшую, но пухлую записную книжку.

— Знаете, что у меня в ней хранится?

— Нет, сэр, понятия не имею!

— Вы!

— Я?

— Да, сэр, вы! Полностью... Здесь каждый ваш поступок, вся ваша гнусная и опасная жизнь.

— Дьявол! — воскликнул граф, сверкнув глазами. — Знаете, Холмс, мое терпение не безгранично!

— Здесь все, граф. Истинные обстоятельства смерти старой миссис Гаролд, оставившей вам поместье «Блимер», которое вы так быстро проиграли.

— Вы бредите!

— Здесь и история жизни мисс Минни Уоррендер.

— Э, нет! Здесь вы ничего не докажете!

— Это только начало, граф. Здесь и ограбление в поезде, следовавшем на Ривьеру 13 сентября 1892 года. Здесь и чек банка «Креди Лионне», подделанный в том же году.

— Вот тут вы ошибаетесь!

— Значит, в остальном я прав? Послушайте, граф, вы же играете в карты. Нет смысла продолжать игру, если вам известно, что у противника на руках все козыри.

— А какое отношение вся эта болтовня имеет к тому камню, о котором вы говорили?

— Погодите, граф, не спешите. Позвольте мне внятно и спокойно изложить свои мысли. Все эти факты говорят против вас. Но, что самое главное, у меня есть доказательства причастности вас и вашего цепного пса Сэма Мертон к похищению бриллианта короны.

— Вот как!

— Я нашел кебмена, который отвез вас на Уайтхолл, и кебмена, который вас оттуда увез. Я нашел швейцара, который видел вас у витрины. Я нашел Айки Сэндерса, который отказался распиливать для вас камень. Айки все рассказал, так что ваша игра проиграна.

На лбу графа проступили вены. По тому, как сжались его темные волосатые кулаки, было видно, что он еле сдерживает нахлынувшее на него волнение. Он попытался заговорить, но язык не слушался его.

— Теперь вы знаете расклад, — сказал Холмс. — Я свои карты выложил. Мне не хватает только одной — бубнового короля. Я не знаю, где камень.

— И никогда не узнаете.

— Вы так считаете? Но будьте же благоразумны, граф. Посмотрите, в каком положении вы находитесь. Ближайшие двадцать лет вы проведете в тюрьме. Как и Сэм Мертон. Какой вам прок от этого бриллианта? Никакого. Но, если вы его вернете... Я сделаю так, что

дело не дойдет до суда. Вы или Сэм нам не нужны. Нам нужен камень. Отдайте его и останетесь на свободе, до тех пор, конечно, пока будете себя хорошо вести и не натворите новых дел. Ну а совершите еще одну глупость, тогда уж пеняйте на себя. Но в этот раз передо мной поставлена задача найти камень, а не вас.

— А если я откажусь?

— Ну, тогда... увы! Значит, это будете вы, а не камень.

В ответ на звонок появился Билли.

— Мне кажется, граф, будет лучше, если в этом разговоре примет участие и ваш приятель Сэм. В конце концов, это ведь и его касается. Билли, у нашей двери стоит высокий уродливый господин. Пригласите его войти.

— А если он откажется заходить, сэр?

— Никакого насилия, Билли. Не стоит вести себя с ним грубо. Если вы скажете, что его хочет видеть граф Сильвиус, он непременно согласится.

— И что вы теперь намерены делать? — спросил граф, когда Билли ушел.

— Только что у меня побывал мой друг доктор Ватсон. Я сказал ему, что в мои сети угодили акула и пескарь. Теперь я собираюсь вытащить их на берег.

Граф встал с кресла. Одна рука его была отведена за спину. Холмс опустил ладонь в карман халата, в котором явно лежало что-то увесистое.

— Своей смертью вы не умрете, Холмс.

— У меня часто возникала эта мысль. Но какое это имеет значение? Ведь в конце концов, граф, вам и самому, скорее всего, предстоит встретить конец в вертикальном положении, а не горизонтальном. Однако к чему тратить время на все эти предсказания? Давайте лучше в полной мере насладимся настоящим.

Хищные огоньки вспыхнули вдруг в темных глазах преступника. Холмс напряженно замер, отчего сделался похож на натянутую струну и стал казаться еще выше.

— Не стоит ощупывать револьвер, друг мой, — бесстрастным тихим голосом произнес он. — Вы же прекрасно знаете, что не осмелитесь воспользоваться им, даже если я дам вам время его достать. Это грубое громкое оружие не для вас, граф. Лучше уж

оставайтесь верны духовым ружьям. О, я, кажется, слышу легкую поступь вашего уважаемого партнера. Здравствуйте, мистер Мертон. Не заскучили на улице?

Боксер, богатырского телосложения молодой человек с тупым упрямым продолговатым лицом, замер в дверном проеме, озадаченно осматриваясь по сторонам. Учтивость Холмса для него оказалось неожиданностью, и, хоть он и почувствовал в ней некую враждебность, ему трудно было определить, как правильно на нее реагировать, поэтому он обратился к своему более сообразительному другу за помощью.

— Это что значит, граф? Что этому парню нужно? Что вообще происходит? — сиплым голосом пробасил он.

Но граф лишь пожал плечами, и за него ответил Холмс.

— С вашего позволения, мистер Мертон, я опишу, что происходит, в двух словах: вы проиграли.

Боксер смотрел на Холмса, но обращался все еще к своему подельнику.

— Этот тип хочет пошутить или что? У меня сейчас не веселое настроение.

— Это и понятно, — сказал Холмс. — Думаю, я могу пообещать вам, что скоро оно у вас испортится еще больше. Послушайте, граф Сильвиус, я — занятой человек и не могу позволить себе тратить время попусту. Я иду вон в ту спальню и, пока меня не будет, располагайтесь и чувствуйте себя как дома. Можете объяснить своему другу, как обстоят дела, я не стану вам мешать. Лучше сыграю пока баркаролу из «Сказок Гофмана» на скрипке. Через пять минут я вернусь за вашим окончательным ответом. Вы ведь понимаете, перед каким выбором стоите? Решайте сами, что попадет нам в руки, вы или камень.

Холмс удалился, по дороге захватив стоявший в углу футляр для скрипки. Через несколько секунд из-за закрытой в спальню двери послышались негромкие жалобные звуки этой популярнейшей из мелодий.

— Так в чем дело? — с тревогой в голосе спросил Мертон, когда его товарищ повернулся к нему. — Он что-то знает о камне?

— Он слишком много знает. Черт побери, по-моему, он вообще все знает!

— Боже правый! — желтоватое лицо боксера побледнело.

— Айки Сэндерс выдал нас.

— Что? Ну я ему за это все кости переломаю!

— Это нам не поможет. Сейчас нужно решить, что делать дальше.

— Постой-ка, — произнес боксер, с подозрением посмотрев на закрытую дверь спальни. — А уж не подслушивает ли нас этот хитрый лис?

— Как он может подслушивать, если пиликает на своей скрипке?

— А, ну да. Может, кто-нибудь за занавеской прячется? Что-то в этой комнате слишком много занавесок.

Покрутив головой, Мертон неожиданно заметил восковую скульптуру в кресле у окна. Он замер, указывая на нее пальцем, от удивления не в силах произнести ни слова.

— Это всего лишь кукла! — недовольно произнес граф.

— Что, не живая? Разрази меня гром! Такого и у мадам Тюссо не увидишь. А ведь как две капли воды похож, халат и все остальное. Но надо проверить занавески, граф.

— Да к черту занавески! Мы теряем время, а у нас его не так уж много. Из-за этого камня он может упрятать нас за решетку.

— Черта с два!

— Но он обещает отпустить нас, если только мы расскажем, где он.

— Что? Отдать ему камень? Отдать сто тысяч фунтов?

— Либо мы, либо камень.

Мертон почесал коротко стриженную макушку.

— Он ведь там один. Порешим его, и концы в воду. Нам тогда нечего будет бояться.

Граф покачал головой.

— Он вооружен и начеку. Если застрелим его в таком месте, как это, нам вряд ли удастся уйти. К тому же полиции, скорее всего, известны все улики. Тихо, что это?

Со стороны окна послышался какой-то смутный шум. Оба мужчины вскочили, но все вокруг было тихо. В комнате, кроме них и странной фигуры в кресле у окна, явно никого не было.

— Наверное, что-то на улице, — сказал Мертон. — Ладно, шеф, ты же у нас голова, ты придумаешь, как нам из этого дела выпутаться. Если не надо работать кулаками, тогда это твоя забота.

— Я обводил вокруг пальца людей и поумней, чем он, — сказал на это граф. — Камень со мной, он здесь у меня в потайном кармане. Я с ним не расстаюсь. Сегодня же его можно отправить за границу, и уже до воскресенья его распилят на четыре части в Амстердаме. О Ван Седдаре он не знает.

— Я думал, Ван Седдар собирался уезжать на следующей неделе.

— Собирался, но теперь ему придется плыть на первом же корабле. Кому-то из нас понадобится отправиться с камнем на Лайм-стрит и все ему рассказать.

— Но двойное дно еще не готово.

— Придется ему рискнуть и ехать так. Нельзя терять ни секунды. — Чувство опасности, которое так развито у охотников, заставило его замолчать и еще раз внимательно посмотреть на окно. Да, наверняка этот непонятный тихий звук донесся с улицы. — А что касается Холмса, — продолжил он, — его обмануть не сложно. Понимаешь, этот глупец сказал, что не арестует нас, если мы отдадим ему камень. Мы пообещаем ему камень, пустим его по ложному следу, когда же он поймет, что след ложный, камушек этот будет уже в Голландии, а мы уедем из Англии.

— Как по мне, так звучит неплохо, — криво улыбнулся Мертон.

— Ты поедешь к голландцу, скажешь, чтобы он ехал, а я тем временем поговорю с этим дураком, навру ему, что камень в Ливерпуле. Черт бы побрал эту музыку! Она действует мне на нервы... К тому времени, когда он поймет, что в Ливерпуле ему искать нечего, это уже будет не один бриллиант, а четыре, но поменьше, а мы будем в открытом море. Отойди оттуда, чтобы тебя не было видно в замочную скважину. Камушек у меня здесь.

— И как ты не боишься носить его с собой?

— Так безопаснее всего. Если нам удалось украсть его из Уайтхолла, кто-нибудь другой наверняка сможет украсть его и из моего дома.

— Давай посмотрим.

Граф Сильвиус, слегка поморщившись, бросил на своего компаньона презрительный взгляд, словно не заметив протянутой к нему немойтой руки.

— Что... Ты думаешь, я его умыкну? Послушай, я уже начинаю уставать от твоей подозрительности.

— Ну-ну, не обижайся, Сэм. Нам нельзя ссориться. Если хочешь увидеть всю красоту камня, подойди ближе к окну. Посмотри через него на свет. Ну как? Видишь?

— Спасибо!

С кресла, на котором сидела восковая фигура, вскочил Холмс и выхватил бесценное сокровище. Теперь камень был зажат в его руке, второй он держал револьвер, нацеленный на голову графа. Оба преступника от неожиданности отступили назад. Пока они не пришли в себя, Холмс нажал кнопку электрического звонка.

— Прошу вас, джентльмены, давайте обойдемся без насилия! Поберегите мебель! Ваше положение безнадежно. Внизу уже ждет полиция.

Удивление графа оказалось сильнее его ярости и страха.

— Но как, черт побери... — заплетающимся языком пробормотал он.

— Ваше недоумение естественно. Вам ведь неизвестно, что вторая дверь из моей спальни ведет за эту занавеску. Боюсь, вы слышали, как я убирал из кресла фигуру, но удача оказалась на моей стороне. Я получил возможность услышать ваш оживленный разговор, который был бы далеко не так содержателен, если бы вы знали о моем присутствии.

Граф покорно махнул рукой.

— Ваша взяла, Холмс. Должно быть, вы — сам дьявол.

— По крайней мере, что-то общее у нас есть, — вежливо улыбнулся Холмс.

Медленно работающий мозг Сэма Мертона не сразу осознал, что произошло. Дар речи к нему вернулся, только когда на лестнице раздались тяжелые шаги.

— Хорошо, застучали вы нас на горячем, — сказал он. — Но кто это играет? Я все еще слышу эту чертову скрипку, будь она неладна!

— Ну-ну, не горячитесь! — ответил Холмс. — Пусть играет. Эти современные граммофоны — чудесное изобретение.

В комнату ворвалась полиция, защелкнулись наручники, и преступников увели в ожидающий внизу кеб. Ватсон остался с Холмсом, чтобы поздравить его с добавлением очередного листка к его лавровому венку, но их разговор снова был прерван появлением невозмутимого Билли с визитной карточкой на подносе.

— Лорд Кантлмир, сэра, — объявил он.

— Проводите его сюда, Билли. Этот знатный пэр представляет высочайшие интересы, — сказал Холмс. — Он ответственный и по своему хороший человек, но, я бы сказал, несколько отстал от жизни. Ну что, поднимем ему настроение? Позволим себе небольшую вольность? Насколько я понимаю, о том, что только что произошло, он еще ничего не знает.

Дверь распахнулась, и в комнату вошел худой строгого вида мужчина с грубыми чертами лица и вислыми черными как смоль средневикторианскими бакенбардами, которые совершенно не сочетались с сутулой спиной и старческой походкой. Холмс любезно направился навстречу гостю и пожал вялую руку.

— Здравствуйте, лорд Кантлмир. Как поживаете? На улице довольно прохладно для этого времени года, но у нас тут тепло. Позвольте ваш плащ.

— Нет, благодарю вас. Я не буду раздеваться.

Но Холмс настойчиво положил руку на его рукав.

— Позвольте, я вам помогу. Мой друг доктор Ватсон подтвердит, что такие перепады температуры очень коварны и плохо воздействуют на организм.

Его сиятельство раздраженным жестом стряхнул руку Холмса.

— Я вполне хорошо себя чувствую, сэра. Задерживаться у вас я не собираюсь. Я заглянул лишь для того, чтобы узнать, как продвигается дело, которое вы сами на себя возложили.

— Дело оказалось трудным... Очень трудным.

— Я знал, что вы это скажете.

Во взгляде и словах старого придворного чувствовалась нескрываемая насмешка.

— Выше головы не прыгнешь, мистер Холмс. Но, по крайней мере, осознание этого прекрасно излечивает от такой человеческой слабости, как самодовольство.

— Вы правы, сэра, но загадка оказалась чрезвычайно сложной.

— Не сомневаюсь.

— Особенно меня смутило одно обстоятельство. Не можете ли вы мне разобраться?

— Что-то поздновато вы решили просить у меня совета. Я думал, вы полностью полагаетесь на свои методы. Впрочем, я готов помочь

вам.

— Видите ли, лорд Кантлмир, мы можем предъявить обвинение истинным похитителям бриллианта.

— Когда поймаете их.

— Разумеется. Однако вопрос заключается в том, как поступить с тем, у кого камень окажется в конечном итоге?

— Не слишком ли рано задумываться об этом?

— Лучше быть готовым ко всему заранее. Какие улики, по-вашему, могут указать на этого человека?

— Тот, у кого будет найден камень, и есть этот человек.

— И на основании этого вы готовы его арестовать?

— Несомненно.

Холмс почти никогда не смеялся, но его старинный друг доктор Ватсон не мог припомнить, чтобы он когда-нибудь был ближе к этому, чем в ту минуту.

— В таком случае, дорогой сэр, у меня не остается другого выхода, кроме как настаивать на вашем аресте.

Лорд Кантлмир вскипел. Даже желтоватые щеки его, давным-давно утратившие живой цвет, зарделись пламенем.

— Что вы себе позволяете, мистер Холмс? За пятьдесят лет общественной деятельности я ничего подобного не слышал. Я деловой человек, сэр, я занимаюсь важными делами, и у меня нет ни времени, ни желания выслушивать ваши глупые шутки. Скажу вам откровенно, сэр, я никогда особенно не верил в ваши силы и придерживался мнения, что это дело нужно было поручить полиции. И ваше поведение подтверждает все мои выводы. Позвольте откланяться.

Холмс быстро обошел пэра сбоку и встал между ним и дверью.

— Одну минуту, сэр, — сказал он. — Пока что вы всего лишь временно владеете камнем Мазарини, но если попытаетесь с ним скрыться, это значительно усугубит вашу вину.

— Сэр, это переходит всякие границы! Пропустите меня.

— Проверьте правый карман вашего плаща.

— Что вы хотите этим сказать, сэр?

— Давайте-давайте, сделайте то, что я прошу.

И в следующий миг изумленный пэр уже ошеломленно взирал на большой желтый камень, который лежал на его трясущейся раскрытой ладони.

— Что... Но... Как это понимать, мистер Холмс? — заплетающимся языком пролепетал он.

— Ай-я-яй, лорд Кантлмир, ай-я-яй! — воскликнул Холмс и с улыбкой покачал головой. — Но мой старый друг доктор Ватсон расскажет вам, как я люблю подобные мистификации и какую питаю слабость к драматическим ситуациям. Я взял на себя смелость (признаю, непозволительную смелость) сунуть камень вам в карман в начале нашего разговора.

Старый пэр с трудом заставил себя оторваться от камня и посмотреть на веселое лицо перед ним.

— Сэр, я совершенно сбит с толку. Но... Да... Это в самом деле камень Мазарини. Мы перед вами в долгу, мистер Холмс. Чувство юмора у вас, как вы сами говорите, довольно извращенное, да и время для шуток вы выбрали самое неподходящее, но я беру назад все свои слова насчет ваших профессиональных качеств. Но как...

— Дело закончено лишь наполовину, частности могут и подождать. Я не сомневаюсь, лорд Кантлмир, что то удовольствие, которое вы получите, принеся столь радостное известие в свой великосветский круг, несколько компенсирует мой розыгрыш. Билли, проводите его светлость и передайте миссис Хадсон, что я буду весьма признателен, если она побыстрее подаст нам обед на двоих.

Дело II. Загадка моста Тор

Где-то в подвалах банка «Кокс энд К^о» на Чаринг-Кросс хранится старая потертая жестяная коробка, на крышке которой написано мое имя: Джон Х. Ватсон, доктор медицины, бывший полковой лекарь Индийской армии. Она до верху набита бумагами, и почти все они являются записями о тех интересных случаях, которыми в разное время приходилось заниматься мистеру Шерлоку Холмсу. Есть там и отчеты о неудачах моего друга. Хоть дела эти не менее захватывающие, нежели его победы, они вряд ли когда-нибудь будут выставлены на суд публики по той простой причине, что не имеют развязки. Расследование без окончательного решения может заинтересовать профессионала, но у обычного читателя вызовет лишь раздражение. Среди этих незавершенных рассказов есть история о мистере Джеймсе

Филлиморе, который, выйдя из дому, вернулся за забытым зонтиком и бесследно исчез. Не менее примечательным является дело о яхте «Алишиа», которая одним весенним утром заплыла в небольшое туманное облако да так из него и не вышла, и что стало с ней и с ее экипажем по сей день остается загадкой. Третий случай, заслуживающий внимания, — это загадка Айседора Персано, известного журналиста и дуэлянта, найденного впадшим в совершенное безумие со спичечным коробком в руках, в котором находился странный червь неизвестного науке вида. Помимо этих необъяснимых дел, есть там и те, что затрагивают такие тайны кое-каких известных фамилий, которые, попади они в печать, повергли бы в ужас определенные круги высшего общества. Но нужно ли говорить, что подобное нарушение доверия совершенно немыслимо, и эти записи будут изъяты и уничтожены теперь, когда у моего друга появилось время заняться этим. Остается еще большое количество в той или иной степени и других интересных дел; я опубликовал бы их и раньше, если бы не боялся вызвать у публики пресыщение, не лучшим образом повлиявшее бы на карьеру человека, перед которым я преклоняюсь, и которого уважаю больше чем кого бы то ни было. Об одних я могу говорить как человек, видевший все своими собственными глазами. В иных я или не участвовал вовсе, или сыграл такую незначительную роль, что рассказать о них могу только от третьего лица. В событиях, о которых пойдет речь ниже, я принимал непосредственное участие.

Было ненастное октябрьское утро. Одеваясь, я наблюдал за тем, как безумный ветер обрывает и, кружа, уносит прочь последние листья одинокого платана, который украшает задний двор нашего дома. Я спустился к завтраку, готовый застать своего компаньона в дурном расположении духа, поскольку он, как и все великие художники, легко поддавался воздействию природы. Но, как оказалось, он уже почти доел завтрак, и настроение у него было самое радужное, о чем свидетельствовала несколько грубоватая веселость, неизменно охватывавшая его в минуты радости.

— Вы занялись новым делом, Холмс? — поинтересовался я.

— Умение делать выводы определенно заразительно, Ватсон, — ответил он. — Видите, как оно помогло вам раскрыть мою тайну. Да, у

меня новое дело. После месяца простоя и занятий всякой чепухой колеса снова пришли в движение.

— Вы посвятите меня в него?

— Да тут и посвящать особо не во что, но мы можем обсудить его после того, как вы съедите эти два сваренных вкрутую яйца, которыми решила побаловать нас наша новая кухарка. Качество их находится в прямой зависимости от «Фэмили геральд», последний номер которой я вчера видел в прихожей на столике. Даже такое простое дело, как варка яиц, требует внимания, необходимое для того, чтобы следить за временем, и совершенно несовместимо с чтением романтических историй в этой превосходной газете.

Через четверть часа со стола было убрано, и мы остались одни. Холмс достал из кармана письмо.

— Вам знакомо имя Нейла Гибсона, золотого короля? — спросил он.

— Вы о том американском сенаторе?

— Однажды он был сенатором от одного из западных штатов, но известен как крупнейший золотопромышленник в мире.

— Да, я о нем слышал. По-моему, он какое-то время жил в Англии. Очень знакомое имя.

— Лет пять назад он купил большое поместье в Хэмпшире. Может быть, вы слышали и о том, как трагически оборвалась жизнь его жены?

— Да-да, припоминаю. Поэтому-то его имя и показалось мне знакомым. Но подробностей я не знаю.

Холмс указал на стул, на котором лежали какие-то бумаги.

— Я не подозревал, что мне придется столкнуться с этим делом, иначе подготовил бы материалы, — сказал он. — Дело в том, что вся эта загадка, хоть и наделала много шума, на самом деле очень проста. Улики настолько явные, что даже необычность подозреваемого не повлияла на решение коронерского жюри и полицейских следователей. Сейчас дело передано в Винчестер на рассмотрение выездной сессии суда присяжных. Боюсь, это безнадежное дело. Я могу установить факты, Ватсон, но изменить что-либо не в моих силах. Если только не обнаружится что-то совершенно неожиданное, моему клиенту, похоже, рассчитывать не на что.

— Клиенту?

— Ах да, я же еще не рассказывал вам. Похоже, я перенимаю вашу привычку, Ватсон, начинаю рассказывать с конца. Прочитайте сперва вот это.

Он вручил мне письмо, написанное четким уверенным почерком. Вот что в нем говорилось:

«Гостиница “Клариджес”,

3 октября

Дорогой мистер Шерлок Холмс!

Я не могу наблюдать за тем, как отправляют на смерть лучшую из всех женщин, когда-либо живших в этом мире, и не попытаюсь сделать все возможное, чтобы спасти ее. Я ничего не могу объяснить, я знаю, что бесполезно даже пытаться что-нибудь объяснить, но только я совершенно уверен, что мисс Данбар невиновна. Вам известны факты... Кто же их не знает! Об этом говорила вся страна. И никто, ни один человек не попытался защитить ее! Эта жуткая несправедливость сводит меня с ума. Если б Вы знали, какое сердце у этой женщины! Она не то что человека, муху убить не в состоянии! Завтра в одиннадцать часов я хочу зайти к Вам узнать, не удастся ли Вам пролить свет на это дело. Вдруг я обладаю каким-нибудь ключом к разгадке, а сам не подозреваю об этом? Но в любом случае, все, что известно мне, все, что у меня есть, и я сам полностью в Вашем распоряжении, лишь бы это помогло спасти ее. Если Вы действительно обладаете хоть какими-то способностями, обратите их на это дело.

Искренне Ваш,

Дж. Нейл Гибсон».

— Ну вот, теперь вам все известно, — произнес Шерлок Холмс, выбивая остатки табака из трубки и неторопливо наполняя ее заново. — Этого джентльмена я и дожидаясь. Что касается самого происшествия, то прочитать все, что у меня есть по этому делу, вы вряд ли успеете, поэтому я могу вкратце изложить вам события, если вы действительно намерены принять участие в расследовании. Этот человек является величайшей финансовой силой в мире и, как я слышал, отличается жутким, невероятно вспыльчивым нравом. Он был женат, его жена и стала жертвой этой трагедии. О ней мне ничего не известно кроме того, что она была уже немолода, и это стало причиной последующих осложнений, когда для воспитания двух их маленьких

детей была нанята няня, весьма привлекательная особа. Вот те трое, кто замешан в этом деле. Место действия — большой старинный особняк в самом сердце исторического района Англии. Теперь о самой трагедии. Тело жены с простреленной головой было обнаружено поздно ночью в полумиле от особняка. На ней было платье для обеда, на плечах — шаль. Погибла она от револьверной пули, но никакого оружия рядом с ней найдено не было. Подозреваемых также нет. На месте оружия не нашли, Ватсон, обратите на это особое внимание! Судя по всему, преступление было совершено поздно вечером, труп примерно в одиннадцать часов обнаружил егерь. Прежде чем отнести тело в дом, оно было осмотрено полицией и врачом. Я излагаю факты слишком скомкано, или вам все понятно?

— Все предельно ясно, но почему подозрение пало на гувернантку?

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ